

ПЕРМСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ еженедѣльно по
средамъ. Цѣна за годъ 5
руб., за 8 мѣсяцевъ 1867 го-
да 3 руб. 35 коп.

№ 2.

Подписка принимается въ
редакціи Епархіальныхъ Вѣ-
домостей, при Пермской ду-
ховной семинаріи, въ Перми.

10 Января 1868 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Письмо на имя Его Высокопреосвященства сирійскаго іеромонаха Агапія съ письмомъ къ послѣднему митрополитовъ Тирскаго и Сидонскаго и Дамасскаго, о бѣдствіяхъ, опасностяхъ и нуждахъ православныхъ христіанъ на востоцѣ и о приглашеніи благотворителей къ пожертвованіямъ въ пользу страждущихъ восточныхъ христіанъ. Письмо Рыбинскаго о. протоіерея Родіона Путятина на имя Его Высокопреосвященства. О назначеніи отъ епархіальнаго попечительства пособій различнымъ лицамъ духовнаго званія. Служенія Его Высокопреосвященства. Отъ правленія Воронежской духовной семинаріи.

1. Сирійскій іеромонахъ Агапій, отъ 25 ноября 1867 года, вошелъ къ Его Высокопреосвященству письмомъ слѣдующаго содержанія:

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архитастырѣ и Отецѣ!

Крайній недостатокъ руководствъ для обученія дѣтей православныхъ Арабовъ, живущихъ въ трехъ восточныхъ патріархатахъ—Александрійскомъ, Антиохійскомъ и Іерусалимскомъ, и просьбы самихъ представителей восточной іерархіи побудили меня заняться переводомъ съ русскаго языка на арабскій нѣсколькихъ книжекъ, для первоначальнаго изученія Закона Божія именно: „краткой священной исторіи,“ „начальнаго ученія челоѣкомъ, хотящимъ учиться книги Божественнаго писанія“ и „о совершеніи христіанскихъ таинствъ“ и проч. Переводъ этотъ, при помощи Божіей, я давно уже окончилъ и, получивъ одобреніе цензуры, тотчасъ же отдалъ въ типографію для печати. На основаніи прежнихъ примѣровъ, я думалъ тогда, что найдутся благотворители, которые могутъ мнѣ заплатить типографскія издержки. Но между тѣмъ и по сіе время, когда печатаніе перевода почти уже окончено,

я несобралъ и пятой доли того, что нужно уплатить въ типографію.

Недостатокъ денежныхъ средствъ на это, а равно и на крайне нужную постройку богадѣльни и больницы заставляютъ меня, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, прибѣгнуть къ любви добрыхъ жертвователей. И я низжайшій послушникъ, сколько по собственному долгу—служить родинѣ, столько же и по порученію преосвященныхъ восточныхъ іерарховъ, осмѣливаюсь покорнѣе просить Ваше Высокопреосвященство—благоволите Вашею отеческою любовью и Вашимъ Архипастырскимъ содѣйствіемъ, по возможности, помочь неотложнымъ нуждамъ и бѣдственному положенію моихъ православныхъ соотечественниковъ. Для этой цѣли я прилагаю при семь нѣсколько экземпляровъ копій съ письма восточныхъ іерарховъ, откуда Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, можете вполне убѣдиться въ бѣдственномъ положеніи восточныхъ православныхъ христіанъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Поручая все это богоугодное дѣло Вашей отеческой любви и Архипастырскому устроенію въ предѣлахъ Вашей епархіи, смѣю утѣшать себя тою отрадною надеждою, что Вашъ истинно высокій и просвѣщенный умъ и Ваше истинно благородное и сострадательное сердце не вмѣнятъ мнѣ этого моего обращенія къ Вамъ въ своеволие и дерзость, но что, наоборотъ, какъ сами Вы, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, не отзоветесь холодностію на голосъ вопіющихъ нуждъ православныхъ восточныхъ христіанъ, такъ подвигнете къ этому богоугодному дѣлу и другихъ, послушныхъ Вашему доброму совѣту и слову знакомыхъ Вамъ лицъ.

Испрашивая святительскаго благословенія Вашего Высокопреосвященства, Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца, имѣю счастье пребыть на всегда низжайшимъ послушникомъ Вашимъ.

Кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи Сирійскій іеромонахъ *Агалий*.

Письмо митрополитовъ тирскаго и сидонскаго Герасима и дамаскаго Герасима, о бѣдствіяхъ, опасностяхъ и нуждахъ православныхъ христіанъ на востокъ и о приглашеніи благотворителей къ пожертвованіямъ въ пользу страждущихъ восточныхъ христіанъ (*).

Возлюбленный о Господь сынъ, преподобнѣйшій отецъ іеромонахъ Агалий!

Благодать, миръ и милость отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да приложатся вамъ; а отъ нашего смиренія—благословеніе и теплыя

(*) Письмо это писано на арабскомъ языкѣ и прислано въ с. Петербургъ, къ о. іеромонаху Агалию, сирійскому уроженцу, кончившему полный курсъ наукъ со сте-

молитвы о возделѣнномъ и драгоцѣнномъ вашемъ здравіи и спасеніи. Аминь. Спѣшимъ увѣдомить васъ, что ваше письмо, отъ 31 мая 1865 г., посланное вмѣстѣ съ 500 экземпляровъ, переведенныхъ вами книгъ: „камень соблазна“ и „разговоры о православіи восточной, католической церкви,“ мы получили отъ генеральнаго консула Богохранимой, великой, Русской державы. Этимъ драгоцѣннымъ и весьма полезнымъ вашимъ подаркомъ вы много, пренного обрадовали и обязали насъ, особенно въ то время, когда западная пропаганда, съ каждымъ днемъ всюду быстро распространяется, всѣми силами ума и матеріальными средствами жизни стремится заполнить собою нашу православную церковь, — православный востокъ наполнить западнымъ иновѣріемъ. И нужно сознаться, что успѣхи этой пропаганды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно — въ патріархатѣ іерусалимскомъ, слишкомъ замѣтны: тамъ совращены съ пути истины не только массы невѣжественнаго народа, — цѣлыя селенія, будучи лишены всякихъ понятій о правотѣ истинной вѣры, но преслѣдуемая собственно, тяжкою бѣдностью, и прельщаемая приманками временныхъ выгодъ отъ другихъ — отпали въ католицизмъ и приняли иновѣріе. Таковы селенія: Байтъ-жалла, Маждиль и другія. Въ Байтъ-жаллѣ учреждена даже католическая семинарія, въ которой въ духѣ и видахъ латинства воспитываются дѣти прежде людей православныхъ, а теперь новообращенныхъ иновѣрцевъ; тамъ приняты всѣ мѣры и изыскано множество способовъ къ тому, чтобы удержать всѣхъ ихъ въ томъ гибельномъ отпаденіи. Больно смотрѣть на эти лукавые успѣхи римской пропаганды, но къ счастью они ограничиваются только патріархатомъ іерусалимскимъ. У насъ въ Сиріи — патріархатѣ антиохійскомъ — эта пропаганда не только не обольстила нашихъ православныхъ (хотя дѣйствовала также всюю своею силою, употребляла всѣ свойственныя ей козни, пускала въ ходъ всю известную ей хитрость и коварство, производила и не перестаетъ производить множество безпорядковъ и смуть), но по неисповѣдимымъ судьбамъ всеблагаго промысла Божія еще православная наша церковь изъ среды сирійскихъ униатовъ приобрѣла себѣ, въ свои нѣдра, около 5000 душъ, притомъ самыхъ лучшихъ образованныхъ людей — изъ клира и мірянъ. Присоединившись къ нашей православной вѣрѣ и церкви, эти лица сдѣлались горячими ревнителями православія и поборниками православія; въ лицѣ ихъ восточное православіе западному католицизму нанесло сильный ударъ, чему много помогло содѣйствіе консуловъ Богохранимой, великой Русской Державы.

пению кандидата въ с.-петербургской духовной академіи и оставленному при ней на службу, въ качествѣ переводчика съ восточныхъ языковъ.

Книги ваши чрезвычайно обрадовали всѣхъ насъ, и всѣми нами приняты съ особенною любовью и благодарностію. Вы прислали ихъ въ самое лучшее время—въ ту пору, когда борьба православія съ католицизмомъ достигла послѣдней степени напряженности; когда, такъ сказать, само Провидѣніе потребовало ихъ для пользы и назиданія новообращенныхъ душъ изъ уни къ православію. Чтеніе вашихъ книгъ, на самомъ дѣлѣ заняло умы и сердца всѣхъ не только православныхъ нашихъ епархій, а и членовъ другихъ вѣроисповѣданій: армянъ, маронитовъ и даже самыхъ католиковъ; онѣ написаны безпристрастно, ясно, основательно и отчетливо. Черезъ чтеніе ихъ православные почерпаютъ для себя надлежащія понятія объ истинахъ вѣры, убѣждаются въ правотѣ своей церкви; католики, если они только не закрываютъ очей, чтобы не видѣть, и не затыкаютъ ушей, чтобы не слышать, — католики, какъ бы сквозь сонъ, должны предчувствовать обманъ своихъ прежнихъ заблужденій, слышать сторонній голосъ вразумленія, понимать, что имъ еще нужно искать истины и идти къ принятію ея свѣта и благодати.

Присланныя вами книги, согласно вашему желанію, мы безмездно роздали священникамъ, діаконамъ и лицамъ изъ мірянъ—сынамъ нашихъ престоловъ, чтобы поучались во славу Божию съ признательностію святой Русской церкви, которая страдаетъ въ нашихъ бѣдахъ и несчастіяхъ, содѣйствуетъ къ обличенію и исправленію нашихъ недостатковъ и нуждѣ. Какъ мы, такъ и всѣ прочіе члены нашихъ паствъ, совокупно шлемъ вамъ и всѣмъ, принимавшимъ въ этомъ Богоугодномъ дѣлѣ участіе, лицамъ искреннія чувства глубокой и благодарной памяти; молимся Господу Богу о вашемъ и всѣхъ тѣхъ лицъ возжеланномъ здравіи и спасеніи, слезно просимъ Милосердаго нашего Спасителя Господа Иисуса—да продлитъ Онъ дни жизни вашей въ добромъ здравіи и благополучіи, вразумитъ, наставитъ и утвердитъ непоколебимо во всякомъ добромъ дѣлѣ на благо святой Его церкви... Но при томъ, не обинуясь должны высказать, что количество посланныхъ вами намъ книгъ далеко не соотвѣтствуетъ многолюдству обширныхъ нашихъ епархій; члены нашихъ паствъ постоянно обращаются къ намъ и съ настоячивостію требуютъ больше и больше экземпляровъ этихъ книгъ. Вслѣдствіе этого, зная вашу готовность благотворить, мы рѣшились писать къ вамъ и усердно, съ своей стороны, просить васъ выслать намъ еще нѣсколько экземпляровъ тѣхъ же самыхъ книгъ, которыя мы могли бы раздать лицамъ, неотступно требующимъ ихъ у насъ. Смѣемъ надѣяться, что ваша любовь не отвергнетъ этой вынужденной нашей просьбы, что въ заявленіе этой просьбы назовете

единственнымъ желаніемъ блага порученнымъ намъ христіанамъ, а самое ея исполненіе великимъ, славнымъ, добрымъ и богоугоднымъ дѣломъ.

Присланные вами списки дорожныхъ и священныхъ для насъ именъ русскихъ благодѣателей, принимавшихъ участіе въ изданіи упомянутыхъ книгъ, мы вмѣстѣ съ книгами тоже роздали настоятелямъ всѣхъ монастырей, священникамъ и діаконамъ по всѣмъ церквамъ и монастырямъ нашихъ епархій и митрополичьихъ церквей; всѣмъ имъ повсюду велѣли принести безкровную жертву—какъ о здоровіи и спасеніи ихъ самихъ, такъ и о успокоеніи мирной и блаженной памяти всѣхъ въ Бозѣ почившихъ ихъ присныхъ; согласно вашему желанію включили имена всѣхъ въ церковный помянникъ для вседневнаго поминовенія (тоже самое сдѣлано по всѣмъ монастырямъ и церквамъ іерусалимскаго, антиохійскаго и александрійскаго патріархатовъ).

Въ прежнихъ нашихъ къ вамъ письмахъ мы неоднократно извѣщали васъ о дѣйствіяхъ протестантскаго, американскаго общества, подробно объяснили вамъ наше положеніе; впрочемъ и въ настоящей разъ считаемъ не лишнимъ снова изобразить успѣхи этого общества, къ искреннему нашему и вашему прискорбію. Миссіонеры этого общества, разсыпались по всѣмъ областямъ Сиріи и Палестины, чтобы на чистой почвѣ Господа, сѣять плевелы чловѣческаго изобрѣтенія; всюду, гдѣ только ни бывають они, открыто и дерзко распространяють свои лжеученія. Не спрашивайте, гдѣ нѣтъ этихъ незваныхъ проповѣдниковъ, и куда не проникають отголоски ихъ говорливой рѣчи. Они всюду разсѣяны во множествѣ; ими наполнена вся наша мѣстность. Мало того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они завели свои школы, вербуютъ въ нихъ и не перестаютъ вербовать простыхъ и довѣрчивыхъ дѣтей обо его пола, всякаго племени, съ тѣмъ, чтобъ пропитать ихъ ядомъ своего лжеученія; но они же и кормятъ ихъ и одѣваютъ, обувають безмездно, доставляють все необходимое и нужное для воспитанія и образованія. Въ такомъ напр., видѣ недавно учреждена въ городѣ Бейрутѣ женская школа, въ которой помѣщается до 500 дѣвицъ, въ которой имѣются готовыми всѣ нужныя для образованія и спокойствія ихъ средства. Страшно становится за готовящееся великое зло, когда подумаешь, что эти невинныя дѣвы, растлѣнныя ядомъ лжеученія, современемъ будутъ матерями семействъ. Трудно ожидать отъ нихъ какого нибудь добра. Никогда злое древо не можетъ приносить добрыхъ плодовъ, вѣщаетъ слово непреложной вѣчной Истины! Но не забѣгая впередъ, возвратимся къ настоящему положенію дѣлъ. Упомянутые миссіонеры, какъ нельзя болѣе, искусно пользуются всѣмъ и располагають всѣхъ въ свою пользу; обладая будто бы неисто-

шими матеріальными средствами, они съ каждымъ днемъ устраиваютъ новыя и новыя больницы и богоугодныя дома, куда принимаютъ всѣхъ приходившихъ, безъ разбора возраста, пола, званія и племени; здѣсь безъ платы и вознагражденія, снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ — покоемъ, пищею и одеждою, доставляютъ лекарства и другія медицинскія снадобья; словомъ, для достиженія своихъ заднихъ плановъ — сдѣлать правотѣрный востокъ инославнымъ западомъ, народовъ востока послѣдователями западнаго сепаратизма вѣры — для достиженія этого употребляютъ всѣ мѣры и усилія, съ пожертвованіемъ всевозможныхъ, матеріальныхъ средствъ. Они сыплютъ свои милостыни на всѣхъ безъ различія, употребляютъ всѣ виды внѣшнихъ благодѣяній, и какъ будто — владѣютъ неизсякаемыми источниками богатства и выгоды.

Подобными мѣрами эти люди болѣе и болѣе располагаютъ къ себѣ нашъ народъ и влекутъ его множество за собою. Страшная бѣдность и незащитность здѣшнихъ жителей — вотъ подлинныя причины того, почти всеобщаго, увлеченія; мы окружены иновѣрцами, у насъ хозяйничаютъ и распоряжаются всѣмъ Турки. А всему міру, кажется, извѣстны пріемы ихъ обращенія съ нами. Никогда не забыть намъ страшнаго 1860 г., когда Турки и Друзы тѣшили насими жизнями, убивали каждаго встрѣчнаго, отнимали у насъ все, кромѣ ужаса и замиранія сердца отъ неувѣренности въ собственной безопасности. Тяжело высказать, что въ то время у насъ въ Сириі было убито болѣе 40,000 человекъ мужскаго пола. Но не менѣе грустно представить и то, сколько послѣ нихъ осталось несчастныхъ вдовъ и сиротъ, которыя лишены всякихъ необходимыхъ средствъ для жизни, которымъ послѣ разграбленія ихъ имуществъ и сожженія домовъ, оставалась одна жалкая доля — доживать, какъ попало, свои горькіе дни, скитаться отъ мѣста къ мѣсту, не имѣя постояннаго пріюта. Но, къ довершенію этой мрачной картины, прибавьте еще мысль о нашемъ невѣжествѣ и полномъ отсутствіи образованія въ массѣ нашего народа, вспомните, что у насъ нѣтъ своихъ ни больницъ, ни богоугодныхъ домовъ, и тогда само собою не будетъ ли ясно, сколько мы сильны къ тому, чтобы держать свою паству въ нѣдрахъ нашей общей матери церкви? Нѣтъ, при отсутствіи у насъ всякихъ средствъ, намъ трудно бороться и спорить съ нашими противниками!

Протестантскія, американскія и папистическія школы, больницы и богоугодныя заведенія, при отсутствіи у насъ нашихъ собственныхъ, толпами привлекаютъ къ себѣ новобранцевъ изъ всѣхъ здѣшнихъ вѣроисповѣданій, но свои сѣти они разставляютъ преимущественно передъ нашими православными, всеиѣрно стремятся уничтожить самое имя православія на востокѣ. И, въ самомъ

дѣлѣ, сколько изъ ихъ школъ уже вышло юношей, которые не только угасили въ себѣ, на грудяхъ матери, зароненную въ нихъ искру православной вѣры, но, при впечатлительности и безотчетности юношескаго сердца, проникнувшись иновѣріемъ, сдѣлались совершенными протестантами; въ пылу своего увлеченія и собственного заблужденія они думаютъ быть проповѣдниками истины и заманиваютъ вмѣстѣ съ собою другихъ. Да, неизъяснимая скорбь, невыразимая грусть овладѣваютъ нами, когда видимъ, что наши прежнія овцы теперь идутъ прочь отъ насъ, собираются вдали; въ чуждомъ стадѣ, подъ руководствомъ другаго надзора, вкушаютъ ядовитую пищу, пьютъ горькую воду, такъ какъ онѣ берутся изъ зараженнаго источника западнаго лжевѣрія и нечестія. Но что всего хуже для насъ,—они заражаютъ самую нашу землю, родную природу нашу, дѣлаются напускною отравой для всего въ средѣ нашей православной. Да, постоянная скорбь снѣдаетъ души наши, всегдашняя печаль сосетъ и гложетъ наше сердце. Сущую говоримъ правду: нѣтъ такихъ глазъ, мало — обыкновенныхъ слезъ, чтобы достаточно оплакать наши потери, наше горькое и скорбное положеніе.

Не знаемъ, что будетъ и станетъ съ нами далѣе, если только настоящее положеніе дѣлъ въ Палестинѣ и Сиріи останется такимъ надолго, если небесный Промыслъ не воздвигнетъ добрыхъ и ревностныхъ поборниковъ православія, если въ такихъ благочестивыхъ ревнителей онъ не вдохнетъ неотступной мысли снабдить насъ средствами, для учрежденія, по крайней мѣрѣ, одной общей богословской школы, гдѣ бы получали достаточное воспитаніе и образованіе наши православные юноши, по крайней мѣрѣ, будущіе пастыри церкви. Нужно бы, по крайней мѣрѣ, въ двухъ главныхъ и болѣе многолюдныхъ городахъ, т. е. Дамаскѣ и Тирѣ, учредить богадельню и больницу для бѣдствующихъ и страдающихъ вдовъ и сиротъ (*). Для такихъ заведеній по здѣшнему счету потребно не болѣе 50,000 руб. Безъ школъ и этихъ заведеній, какъ необходимой помощи западная пропаганда, протестанты и американцы, съ свойственною имъ горячностью, скоро сдѣлаютъ востокъ западомъ, и страшно, — но нужно сказать — приготовить могилу, чтобы заживо, чего не дай Богъ, похоронить въ ней православіе и затопить самихъ православныхъ въ бездонномъ морѣ своихъ лжеученій, невѣрія и нравственнаго растлѣнія.

Прежде мы извѣщали васъ, что у насъ нѣтъ книгъ, потребныхъ для обученія дѣтей истинамъ православной вѣры, священной исторіи и православ-

(*) Въ первой предполагается устроить храмъ во имя святителя Николая чудотворца съ придѣломъ Юанна Предтечи, а во второй — храмъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ Архангела Михаила.

нымъ церковнымъ молитвамъ; а за немѣнѣемъ ихъ дѣти православныхъ, томась любопытствомъ, принуждены бывають знакомиться со всеѣмъ этимъ по книгамъ иновѣрцевъ, наполненнымъ ядомъ лжеученія и нечестія, которыя незамѣтно губяють невинныя дѣтскіе права, заблаговременно приготавлиють въ нихъ то ступникова отъ православія. Вслѣдствіе этого, мы просимъ васъ, чтобы вы нашли для насъ такія книги т. е. краткій катихизисъ, краткую св. исторію и букварь, по которымъ учатся дѣти въ православныхъ школахъ Богохранимой Россіи, въ большомъ количествѣ, достаточномъ для всеѣхъ здѣшнихъ епархій, просимъ, въ этомъ случаѣ, прибѣгнуть къ содѣйствію и, отъ нашего имени, обратиться за помощію къ возлюбленнымъ единовѣрцамъ, нашимъ во Христѣ братьямъ и чадамъ, русскимъ благотворителямъ и ревнителямъ: да помогутъ и они сохраненію и распространенію на востокѣ истиннаго свѣта—православія. Но изъ послѣднихъ вашихъ писемъ узнали, что книги, о которыхъ мы просили васъ, уже, при помощи Божіей и вашемъ усердіи, переведены вами, одобрены цензурою и готовы къ напечатанію. Съ радостію мы приняли эту вѣсть, съ признательностію къ вамъ, дерзновеніемъ къ Богу, мы начали молиться Господу нашему Іисусу Христу, да сохранитъ Онъ васъ въ возделѣнномъ здравіи и спасеніи, подастъ полный успѣхъ въ этомъ святомъ и богоугодномъ вашемъ дѣлѣ, на пользу и радость единоплеменникамъ вашимъ.

Всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія въ печати вашихъ добрыхъ и драгоценныхъ для насъ трудовъ: вѣдь они будутъ единственно надежнымъ средствомъ для поученія нашихъ чадъ, вашихъ единовѣрцевъ, истинамъ православной вѣры, руководствомъ къ познанію священной исторіи и всего богословія: они будутъ утверждать юныя души питомцевъ въ твердомъ и незыблемомъ исповѣданіи, предохранять отъ вреднаго и гибельнаго ученія запада. Молимся Господу Богу, подателю и источнику всякихъ благъ, да подвигнетъ самъ Онъ щедролюбивыя сердца русскихъ помочь намъ въ докончаніи предпринятаго вами богоугоднаго дѣла, какъ необходимаго средства—для поддержанія православія на благо единовѣрной церкви и во славу Божію. Дай Богъ, чтобы мы какъ можно скорѣе узрѣли плоды вашего трудолюбія и ревности, вкусили отъ нихъ духовную сладость, для собственнаго утѣшенія и назиданія всеѣхъ!

Изображенное нами выше положеніе востока заставляеть насъ обратиться къ вамъ еще съ одною просьбою. Въ настоящее время намъ существенно необходимо ученое руководство противъ вѣроисповѣдныхъ заблужденій Лютера, Кальвина, Цвинглія и всеѣхъ ихъ послѣдователей и предшественниковъ, равно также заблужденій и другихъ реформатскихъ и протестантскихъ сектъ,

потому что миссіонеры ихъ, какъ сказали выше, разсыпавшись по всѣмъ мѣстамъ востока, на чистомъ полѣ Господнемъ, рядомъ съ пшеницею сѣютъ плевелы ложнаго и гибельнаго ученія, какъ хищные волки нападаютъ на правовѣрное стадо Христово, чтобы распутить его членовъ, возмутить ихъ внутренній миръ и спокойствіе. Для отраженія этихъ нападковъ, уясненія и утвержденія правыхъ истинъ вѣры въ нашихъ паствахъ намъ крайне нужны и необходимы подобныя книги и упомянутыя руководства.

Мы увѣрены, возлюбленный сынъ нашъ, что наша просьба не обременитъ васъ. Не отказывайтесь же отъ исполненія ея и не думайте отыскивать предлоговъ для отказа: они не будутъ приняты нами. Сами знаемъ, что много утруждаемъ и часто бездокоимъ васъ нашими просьбами. Но вѣдь мы не имѣемъ и другаго, кромѣ васъ, лица, къ которому могли бы обратиться съ подобными просьбами. Зная вашу готовность на все доброе, вашу любовь дѣлать все на пользу вашихъ соотечественниковъ, зная вашу ревность по православію, мы потому и рѣшились просить васъ сдѣлать для насъ новое богоугодное дѣло. Желаемая книга, направленная своимъ содержаніемъ противъ западныхъ иновѣрныхъ обществъ, на арабскомъ языкѣ, во всѣхъ трехъ патріархатахъ: александрійскомъ, антиохійскомъ и іерусалимскомъ, будетъ лучшимъ съ вашей стороны даромъ и пріятнѣйшею для Господа жертвою въ настоящее время, когда западное иновѣріе стремится окончательно поглотить православіе.

При полной надеждѣ на готовность и христіанскую ревность о православіи, какъ вашу, такъ и возлюбленныхъ о Господѣ единовѣрныхъ нашихъ братій и чадъ св. Русской Церкви, при совершенной увѣренности во всемъ этомъ, мы не станемъ больше говорить и напоминать объ этомъ предметѣ. Будемъ только усердно молиться Господу Богу—да Онъ милосердый подастъ вамъ здравіе и благополучіе, сохранить и поможетъ вамъ въ этомъ, и всякомъ другомъ, добромъ дѣлѣ на пользу св. Его церкви и во славу Его св. имени, воздвигнетъ вамъ сотрудниковъ и пошлетъ милостивыхъ благотворителей, для сохраненія и торжества православія на угнѣтенномъ востокѣ.

Пожертвованія въ пользу единовѣрныхъ православныхъ восточныхъ христіанъ могутъ быть присылаемы въ с.-петербургскую православную духовную академію сирійскому іеромонаху о. Агапію. Благотворители благоволятъ сообщать при семъ какъ, свои имена, такъ и сродниковъ живыхъ и умершихъ, для внесенія оныхъ въ синодическія антиохійскія, іерусалимскія и александрійскія монастырей и церквей.

II. О. протоіерей Родіонъ Путятинъ отъ 14 декабря 1867 года вошелъ къ Его Высокопреосвященству письмомъ слѣдующаго содержанія:

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Его Сіятельство Министръ народнаго просвѣщенія и Оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода Димитрій Андреевичъ Толстой, по моему къ нему прошенію о предварительномъ его разрѣшеніи мнѣ отпечатать 15-е изданіе моихъ поученій, съ прибавленіемъ 36 новыхъ (всего 160 поученій) по 75 к. сер. безъ пересылки (вдвое дешевле прежней цѣны) изволилъ приказать департаменту народнаго просвѣщенія пріобрѣсти покупкою у меня 1333 экземпляра, когда будутъ отпечатаны, для разсылки ихъ въ начальныя народныя училища.

Отложивъ печатаніе 15-го изданія до первыхъ чиселъ января будущаго 1868 года, осмѣливаюсь всенижайше просить Вашего, Ваше Высокопреосвященство, соизволенія и разрѣшенія мнѣ отпечатать сколько нибудь экземпляровъ моихъ поученій 15-го изданія для церквей Вашей епархіи, по 75 к. сер. за экземпляръ съ тѣмъ, чтобы деньги мнѣ получать по представленію мною книгъ. Въ книгѣ будетъ, примѣрно, 25 печатныхъ листовъ.

Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго Архипастыря и Отца низжайшій слуга, Рыбинскаго собора протоіерей Родіонъ *Путятинъ*.

На семь письмъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: о предполагаемомъ изданіи объявить чрезъ Пермскія Епархіальныя Вѣдомости для желающихъ выписать означенную книгу для своихъ и церковныхъ библиотекъ. И о семь распоряженіи о. прот. Путятиня увѣдомить.“

III. Пермское епархіальное попечительство журнальнымъ своимъ опредѣленіемъ отъ 12 декабря 1867 г., утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ отъ 15 декабря того же года, вновь опредѣлило со второй половины 1867 г. постоянное пособіе слѣдующимъ лицамъ—бѣднымъ дух. званія: 1) діаконской вдовѣ градо-пермской тюремной церкви Параскевѣ Любимовой по 10 руб. въ годъ; 2) дьяческой вдовѣ чердынскаго уѣзда Лимежскаго села Аннѣ Порошиной съ дѣтьми по 20 руб. въ годъ; 3) священнической вдовѣ градо-соликамской Преображенской церкви Ольгѣ Бабиной по 10 руб.

въ годъ; 4) діаконской дочери пермскаго уѣзда Пашійскаго завода—сиротѣ Анисіи Первушиной по 8 руб. въ годъ; 5) пономарской вдовѣ соликамскаго уѣзда Романовскаго села Екатеринѣ Пепеляевой по 8 руб. въ годъ; 6) оханскаго уѣзда Дально-Дубровскаго села умершаго пономаря Ивана Пѣтухова дочери Таисіи по 8 руб. въ годъ; 7) градо-чердынской Успенской церкви умершаго дьячка Николая Кетова дочери дѣвицѣ Евгениѣ по 8 руб. въ годъ; 8) умершаго діакона екатеринбургскаго уѣзда Кисловскаго села Егора Затопляева дѣтямъ: Аннѣ, Евпраксіи, Вѣрѣ, Антониѣ и Серафимѣ по 16 руб. въ годъ; 9) ирбитскаго уѣзда Костинскаго села священнической дочери—сиротѣ Аннѣ Виноградовой по 8 руб. въ годъ; 10) верхотурскаго уѣзда Нижне-Туринскаго завода умершаго дьячка Каллистрата Юдина дѣтямъ: Александру, Аполлиаріи и Александрѣ по 16 руб. въ годъ; 11) священнической вдовѣ красноуфимскаго уѣзда Суксунскаго завода Параскевѣ Петровой по 10 руб. въ годъ; 12) камышловскаго уѣзда Балаирскаго села пономарской вдовѣ Евфиміи Сильвестровой по 8 руб. въ годъ; 13) градо-ирбитской Срѣтенской церкви діаконской вдовѣ Елизаветѣ Кожевниковой съ дѣтьми по 20 руб. въ годъ; 14) верхотурскаго уѣзда Верхне-Салдинскаго завода пономарскимъ дѣтямъ—сиротамъ Кузнецовымъ по 18 руб. въ годъ; 15) красноуфимскаго уѣзда Алтыновскаго села священнической дочери—сиротѣ Ольгѣ Люминарской по 6 руб. въ годъ, и 16) ирбитскаго уѣзда Гуляевскаго села пономарской дочери—сиротѣ Евдокіи Ареѣевой по 8 руб. въ годъ.

IV. *О служеніяхъ Его Высокопреосвященства.*

31 декабря 1867 г., въ воскресенье, Божественную литургію Его Высокопреосвященство совершалъ въ крестовой св. Митрофана церкви въ сослуженіи крестовой братіи и соборнаго ключаря священника Саввы Попова. Проповѣдь говорилъ градо-пермской Свято-Троицкой церкви священникъ Петръ Черепановъ.

1-го сего января, въ новый годъ и въ празднество рожденія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Алексія Александровича и Благовѣрной Государыни Великой Княгини Елены Павловны, Божественную литургію Его Высокопреосвященство совершалъ въ крестовой церкви въ сослуженіи о. ректора семинаріи архимандрита Александра и крестовой братіи,—а положенное на сей день благодарственное Господу Богу молебствіе со веѣмъ градскимъ духовенствомъ. Проповѣдь говорилъ наставникъ семинаріи М. И. Капустинъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Взглядъ на училище при Далматовскомъ монастырѣ, съ 1719 по 1818 г. по актамъ архивнымъ (продолженіе). Нѣсколько словъ по поводу нищенства. (продолженіе). Изъ Чердыни.

Взглядъ на училище при Далматовскомъ монастырѣ, съ 1719 по 1818 г. по актамъ архивнымъ.

(Продолженіе).

Преподаваніе латинскаго языка въ училищѣ при Далматовскомъ монастырѣ, подъ названіемъ *школы славяно-латинской*, такъ же *семинаріи Далматовской*, введено не прежде, какъ съ наступленіемъ 1761 г. при настоятель, архимандритѣ Митрофанѣ, и при митрополитѣ Тобольскомъ Павлѣ II (Канюсевичѣ). Въ этоже время учреждены латинскія школы при духовныхъ заказныхъ правленіяхъ въ г. Ишимѣ, Ялutorскѣ, Тюмени, въ заводѣ Нижне-Тагильскомъ, въ монастырѣ Рафайловскомъ, въ г. Екатеринбургѣ, гдѣ латинскому діалекту въ школахъ, съ прочими, обучался 22 апрѣля 1765 г. екатеринбургскаго священника и судьи Василія Желницкаго сынъ пятнадцатилѣтній Ѳеодоръ. Въ Далматовской же школахъ славяно-латинской, по реестру Далматовскаго монастырскаго правленія 3 апрѣля 1761 г., значатся съ 5 по 29 марта прибывшими *студенты*: А) изъ домовъ отцовскихъ: 1) Далматова монастыря іеромонаха Серафима Чиркова сынъ Данило; 2) Далматовской Николаевской заимки дьячка Ѳеодора Мутина дѣти: Василій и 3) Андрей; 4) Крутихинской слободы священника Ивана Юшкова сынъ Димитрій; 5) Крестовскаго дьячка Алексѣя Попова сынъ Петръ; 6) Пышминской заимки священника Ивана Удинцева сынъ Василій; 7) Красноярскаго села священника Василія Шишева сынъ Петръ; 8) тогожъ села священника Якова Плотникова сынъ Алексѣй; 9) Иванищевскаго села дьячка Андрея Анцыферова сынъ Стефанъ, и 10) Зырянскаго села священника Якова Могильникова сынъ Иванъ; Б) изъ Тобольской семинаріи: 1) города Шадринска діакона Прокопья Хомякова сынъ Иванъ, 2) Зырянскаго села дьячка Петра Меркурьева сынъ Василій, 3) Калиновской слободы дьячка Ивана Ляпустина сынъ

Герасимъ, 4) Латышевскаго села пономаря Алексѣя Сильвестрова сынъ Козьма, 5) Далматова монастыря іеромонаха Мисаила Мамина сынъ Ѳеодоръ и 6) Калиновской слободы дьячка Ивана Попова сынъ Николай. О шести послѣднихъ, на реестрѣ приписка руки учителя такова: *сїи вышеписанные шесть учениковъ въ оныя числа явились ко мнѣ нижайшему въ Далматовскую латинскую школу; а когда взяты для того ученія, Тобольская семинарія въдаетъ*. Реестръ, составленный 3 апрѣля 1761 г., подписалъ Далматовскаго заказу славяно-латинской школы учитель діаконъ Дороей Кривицкій. Значить преподаваніе латинскаго языка въ Далматовскомъ заповѣ училищѣ начато въ мартѣ или апрѣлѣ 1761 г.; ученики, сначала въ числѣ 16, поступили изъ Тобольской семинаріи и изъ домовъ отцовскихъ—отъ церквей и приходовъ Далматовскаго заказа; учителемъ въ той школѣ былъ не монахъ, а діаконъ приходской Николаевской церкви, при Николаевской займѣ, Дороей Матвѣевъ Кривицкій.

17 января 1762 г. въ Далматовской славяно-латинской школѣ на лицо состояло уже 32 ученика, дѣти поповскіе и дьяческіе, и именно: Козьма Ляпустинъ, Тимоѣй Словоцовъ, Ѳеодоръ Сивковъ, Иванъ Меркурьевъ, Александръ Поповъ, Михайло Некрасовъ, Семень Золотавинъ, Михайло Дергачевъ, Иванъ Юнинъ, Евстаѣй Томшинъ, Петръ Шишевъ, Петръ Поповъ, Герасимъ Ляпустинъ, студентъ Василій Меркурьевъ, Козьма Сильвестровъ, Иванъ Хомяковъ, Алексѣй Смородинцовъ, Андрей Мутинъ, Иванъ Могильниковъ, Василій Удинцовъ, Николай Поповъ, Ѳеодоръ Маминъ, Андрей Ершовъ, Стефанъ Анцыферовъ, Василій Соколовъ, Иванъ Чирковъ, Алексѣй Плотниковъ, Данило Чирковъ, Алексѣй Могильниковъ, Василій Сильвестровъ, Фотій Пономаревъ, Василій Мутинъ. При управителѣ г. Шадринска Константинѣ Выходовѣ, 17 января 1762 г. присягнувъ на вѣрность службы (9) Императору Петру III Ѳеодоровичу съ прочими чинами монастыря въ церкви Христорождественской, они все на столько успѣли въ дѣлѣ письменнѣ, что каждый присяжный листъ подписалъ своею рукою. Къ 31 мая 1762 г. счетъ учениковъ возвысился до 83; въ томъ числѣ было элементарщиковъ, аналогистовъ, фаристовъ 53, инфимистовъ 20, грамматиковъ 5, сиктаксимовъ 5. Такъ значится этотъ счетъ въ описи монастырю и имѣнію монастыря, которую составили по указу комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, Оренбургскаго полка поручикъ Черкасовъ съ настоятелемъ монастыря, архимандритомъ Іакинномъ.

(9) Императрица Елисавета Петровна, чрезъ жестокую болѣзнь отъ временнаго въ вѣчное блаженство сего декабря 25 дня отъиде. Слова Высочайшаго манифеста 25 декабря 1761 года.

Съ 3 апрѣля 1761 г. т. е. со времени учрежденія при Далматовскомъ монастырѣ латинской школы до 1763 г. ученіе преподавалъ наставникъ—одинъ, приходскій діаконъ Дороей Кривицкій. Съ 1763 г. по 1768 г. онъ оставался учителемъ фары и инфини, т. е. до тѣхъ поръ, пока въ классахъ ея преподавалось обученіе полатинѣ. Преподавателями латинской грамматики и синтаксисы были—съ 1763 г. до декабря 1766 г. учитель Максимъ Кочневъ, съ 1766 г. по 1768 г. учитель Василій Билетскій. Всѣ трое—воспитанники семинаріи Тобольской. Жалованья въ мѣсяць производилось каждому по 83½ коп., въ годъ по десяти рублей, отъ Далматовскаго духовнаго правленія изъ суммъ, собиравшихся на содержаніе со священно-и-церковно-служителей, которыхъ дѣти обучались въ Далматовской школѣ.

Ученики (10), сначала—прибывшіе изъ Тобольской семинаріи по назначенію намѣстника іеромонаха Макарія, а потомъ и—поступившіе въ школу изъ домовъ отцовскихъ, по согласію братіи, съ утвержденія, за настоятеля, іеромонаха Виктора (Калиновскаго), и въ послѣдствіи—настоятеля архимандрита Іоакима съ платою въ годъ по 2 р. по 2 р. 50 к. и по 3 р., пользовались по примѣру нынѣшнихъ полубурсаковъ, монастырскимъ столомъ, (11) по

(10) Учители: Василій Билетскій и діаконъ Дороей Кривицкій такъ же: Николаевскій священникъ Даміанъ Фигуровскій, вѣроятно были малороссіяне. Всѣ-трое отличались почеркомъ скорописанія четкимъ, правильнымъ и красивымъ, особенно первый.

(11) Вотъ акъ, по которому въ 1763 г. учреждено монастырское содержаніе ученикамъ Далматовской славяно-латинской школы: Въ Далматовское монастырское правленіе, Далматовскаго заказа всѣхъ церквей отъ священноцерковнослужителей доношеніе. Сего сентября дня со общаго согласія подали мы въ духовное Далматовскихъ завязныхъ дѣлъ правленіе доношеніе, чтобы для обученія дѣтей нашихъ славяно-россійской грамотѣ учредить при Далматовѣ монастырѣ школу. Того ради желаемъ отъ монастырскаго правленія вѣдать: ежели содержать благоволено будетъ оныхъ дѣтей нашихъ на монастырской пищѣ, по коlikому числу денегъ съ каждаго человѣка въ годъ въ казну монастырскую принято будетъ. О чемъ просимъ намъ нижеименованнымъ дать знаніе, и о томъ учинить разсмотрѣніе. 1763 года сентября дня къ сему доношенію руку приложили священники: Сильвестръ Некрасовъ, Аванасій Бурдуковъ, Тамакульской слободы Стефанъ Хабаровъ, Барневской слободы десятоначальникъ Иванъ Тороповъ, Басмановскаго села Иларіонъ Задоринъ, Ольховской слободы Іоаннъ Хитрыхъ, Иванищева села Иванъ Некрасовъ, Китайскаго острогу Андрей Андрониковъ, Захаровскаго села Троицкой церкви Ѳеодоръ Плотниковъ, Крутихинской слободы Иванъ Крутиховской. Резолюція на доношеніи: спросить изъ оныхъ священноцерковнослужителей, имѣющихъ при Далматовскомъ монастырѣ въ Латинской школѣ дѣтей, по чему они платятъ обывателямъ за содержаніе пищу въ годъ, и предложить, подписаль: архимандритъ Іакинъ, 763 году сентября 26 дня. Просители объявили: платятъ они обывателямъ за содержаніе дѣтей ихъ на пищѣ и мытье рубашекъ въ годъ по три рубля съ человѣка. Приговоръ по сему настоятеля и

мѣщаясь въ монастырскихъ кельяхъ: но одежда ихъ, бѣлье, мытье бѣлья, принадлежности ученическія лежали не на отвѣтственности монастыря, а на попечительности родителей. Въ такомъ точно смыслѣ 30 октября 1763 г. составленъ братіей приговоръ за руками настоятеля архимандрита Іакинѣа и братіи, въ слѣдствіе прошенія Далматовскаго заказа священноцерковнослужителей, поступившаго въ монастырское правленіе въ сентябрѣ 1763 г. На содержаніи монастыря къ 29 мая 1761, съ платою, состояло 16 учениковъ; 21 сентября 1763 г. присоединилось къ нимъ еще 10. Квартира своекопнтному ученику въ домѣ жителя села Николаевского, съ помѣщеніемъ, со столомъ, съ мытьемъ бѣлья, каждому стоила въ годъ по 3 р. Къ преподаванію грамматики и синтаксиса, по введеніи въ Далматовскую школу обученія латинскому языку, былъ назначенъ іеромонахъ Іоасафъ Резановъ (12); но уроковъ не преподавалъ, или если преподавалъ, то очень недолго: ибо указомъ Тобольской духовной консисторіи отъ 7 октября 1763 г. архимандриту Іакинѣу было повелѣно—*находящаяся въ Успенскомъ Далматовскомъ монастырѣ іеромонаха сего выслать въ Тобольскъ для опредѣленія при Тобольскомъ домъ митрополитанскомъ учителемъ въ семинаріи, на другой же день, неотложно*: что и выполнено октября 28 дня.

Школа славяно-латинская, по учрежденіи, при Далматовскомъ монастырѣ помѣщалась въ тѣхъ же покояхъ, гдѣ и теперь, въ башнѣ югозападной, и въ примыкающемъ къ ней со стороны сѣвера, по западной стѣнѣ одноэтажномъ каменномъ корпусѣ. Кромѣ преподаванія латинскаго языка по слова-

братіи постановленъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) потребно для дѣтей, обучающихся въ латинской школѣ къ пребыванію, ученію, для трапезы, покои особливья; 2) тѣхъ покоевъ къ починкѣ, поправкѣ печей, оконницъ, хотя и не всегда, люди и материалъ, къ топлению дрова, содержаніе оныхъ покоевъ въ чистотѣ, сторожей, 3) особой поварь, съ принадлежащею поваренною посудою, водовозъ съ лошадыю, трапезный съ принадлежащею къ столу посудою жъ, 4) къ употребленію имъ въ пищу мука ржаная, а для праздниковъ случайно пшеничная, и мясо, на квасы солодь, врупа, соль, горохъ, крошиво; въ разсужденіи всего того удовольствія общесогласно реченнаго монастыря Далматова настоятель съ братією приговорили: взять съ васъ за каждаго студента въ латинской и русской школѣ обучающагося по меньшей мѣрѣ въ день по одной копѣйкѣ, ежели вы на то согласны будете. Подписали: архимандритъ Іакинѣвъ, игуменъ Іезекииль, іеромонахи: Іоасафъ, Евменій, Леонтій, Іларіонъ, Владиміръ. Съ приговора для объявленія священноцерковнослужителямъ, десятиначальникамъ дали копии 30 октября 1763 года.

[12] По учрежденіи въ Далматовскомъ монастырѣ духовнаго училища, съ увѣдомленіемъ, что въ Екатеринбургскую горную школу для обученія дѣти священноцерковнослужителей уже не будутъ поступать, горному начальнику, Николаю Алексѣевичу Шленеву, восписана отъ лица Его Преосвященства благодарность за то, что доселѣ позволено было имъ обучаться въ той горной школѣ.

рямъ малому и большому (польскаго изданія), кромѣ изученія часослова, псалтири, октоиха, прмолога, катихизиса, чистописанія россійскаго, многіе, болѣе способные по качеству голосовъ, ученики, подъ управленіемъ пѣвческаго хора регента, діакона Дорофея Кривицкаго, обучались партесному пѣнію, и—пѣли при священно-служеніяхъ въ церкви на клиросѣ. Въ составъ пѣвческаго хора включались, съ учениками, еще и монастырскіе служители, какъ-то: въ 1762 г. Яковъ Битюковъ, Дмитрій Зайцовъ, Алексѣй Ивкинъ—теноры и басисты. Діаконъ Кривицкій владѣлъ голосомъ высокаго, свѣтлаго, стройнаго, тенора. Каждодневно всѣ ученики, до начала утренняго ученія, ходили изъ классовъ по два въ рядъ, въ церковь, и въ Дмитріевскомъ придѣлѣ присутствовали при Бож. литургіи. По окончаніи учебнаго курса, способные и болѣе успѣвшіе ученики поступали въ пѣтическій классъ Тобольской семинаріи, бывши испытаны предварительно въ степени познаній иногда кѣмъ либо изъ наставниковъ семинаріи. Такъ для освидѣтельствованія латинской школы въ Далматовскій монастырь пріѣзжалъ *Тобольской семинаріи учитель, іеромонахъ Веніаминъ*, при паспортѣ отъ 10 августа 1766 г. и—*подводы*, по двѣ лошади, давались ему *съ проводникомъ отъ одной церкви до другой*—вездѣ, гдѣ только лежалъ путь его. Іеромонахъ Веніаминъ обозрѣлъ школы латинскія въ заказахъ—Ишимскомъ, Ялуторскомъ, Рафайловскомъ, Далматовскомъ, Екатеринбургскомъ, Нижнетагильскомъ. Сверхъ освидѣльствованія лежала на немъ обязанность: а) выслать способныхъ учениковъ для продолженія вышенаго ученія въ Тобольскую семинарію, б) выбрать исправныхъ голосами изъ учениковъ и изъ причетниковъ, дышкантистовъ, алтистовъ и басистовъ въ пѣвческую при домѣ Его Преосвященства школу и в) отпустить изъ школъ для опредѣленія къ мѣстамъ тѣхъ учениковъ, которые, по познаніямъ въ чтеніи и нотномъ пѣніи, быть могли причетниками. По сему освидѣльствованію, сколько учениковъ поступило въ Тобольскую семинарію, сколько—въ школу пѣвческую, неизвѣстно: но тѣ, которые отпущены *для пріисканія мѣста при церкви*, были: 1) Михаилъ Юшковъ, 2) Петръ Шишевъ, 3) Фотій Пономаревъ, 4) Іаковъ Протасовъ, 5) Петръ Максимовъ; и увольненіе подписано такъ: *іеромонахъ Веніаминъ пробовалъ и отпустилъ по данному мнѣ изъ Тобольской духовной консисторіи (праву)*. Славяно-латинская школа при Далматовскомъ монастырѣ существовала съ 1761 по 1768 г. т. е. восемь годовъ, и—была подвѣдома Далматовскому духовному правленію, которое попечительностію членовъ, села Николаевского священниковъ, Даміана Фигуровскаго и Іоанна Фадѣева и подканцеляриста Андрея Марянинова съ заказныхъ священноцерковнослужителей на

содержаніе школы собирало деньги, и расходовало на жалованье учителямъ, и на прикрытіе прочихъ потребностей экономическихъ.

По прекращеніи обученія латинскому языку при Далматовскомъ монастырѣ, русская школа, безъ сомнѣнія, была оставлена въ немъ, по прежнему. Въ эту школу, въ слѣдствіе указовъ Тобольской духовной консисторіи, при настоятель, игуменъ Адамъ (Аркудинскомъ), 3 ноября 1778 г. поступили священническія дѣти, Уксянской слободы Василій Боголѣповъ и Колчеданскаго острога Павелъ Дергачевъ и обучались съ прочими у діакона Далматовскаго монастыря Ивана Дерябина чтенію, пѣнію и уставу церковному. Діаконъ Иванъ Дерябинъ былъ учителемъ въ Далматовской русской школѣ по 12 мая 1781 г. и получилъ въ жалованье за труды учительства 15 руб. По смерти игумена Адама, къ должности учителя допущенъ былъ еще разъ приходскій діаконъ Дороей Кривицкій. Въ 1779 г. здѣсь обучались дѣти священноцерковнослужителей съ заказовъ Далматовскаго, Челябинскаго, Троицкаго и Воскресенскаго. Въ 1780 г. въ Далматовской русской школѣ считалось на лицо учениковъ 200; счетъ учениковъ, равно какъ и количество жителей села Николаевского въ 1781 г. замѣтно уменьшила повальная горячка, потому особенно, что Челябинскъ, городъ провинціальный, къ прекращенію болѣзни, на требованіе настоятеля монастыря, дать не расположился ни врача, ни пособія.

Дѣйствія, которыми въ Далматовскую русскую школу призывались дѣти священноцерковнослужителей въ то время, нынѣ могутъ показаться странными. Укажемъ на призывъ дѣтей священноцерковнослужительскихъ въ Далматовскую школу 15 января 1783 г. при исправлявшемъ должность настоятеля, за смертію игумена Адама, Рафайловскомъ игуменъ Маргаритѣ. Въ это время, по церквамъ Далматовскаго заказа съ приказомъ игумена былъ посланъ русскоѣ школы учитель, діаконъ Дороей Кривицкій, для записки дѣтей священноцерковнослужительскихъ, годныхъ въ школу отъ 7 лѣтъ и выше съ тѣмъ, чтобы съ отцевъ или родственниковъ собралъ онъ, діаконъ, платы, по опредѣленію Его Пресвященства въ слѣдствіе указа Тобольской духовной консисторіи, за обученіе каждаго ученика: азбукѣ—по 30, часослову—по 50 коп. псалтири—по 1 руб., письму—по 2 руб., пѣнію—по 2 руб., букварю—по 25 коп. Въ приказѣ и то еще сказано, что, въ случаѣ упорства, не уплатившій деньги, когда чрезъ солдата представится въ монастырь, *изъ цѣли будетъ невъзвущенъ по то время, пока не заплатитъ денегъ.* Діаконъ Кривицкій съ таковымъ порученіемъ весь Далматовскій заказъ объѣзжалъ съ рассыльщикомъ, отъ церкви до церкви, на подводахъ отъ священ-

ноцерковнослужителей. При чемъ въ рукахъ его была и именная вѣдомость, по которой ему слѣдовало чинить сборъ денежныхъ.

Совокупно съ заказнымъ и епархіальное правительство не преставало заботиться, чтобы при Далматовскомъ монастырѣ школьное ученіе продолжалось безъ упадка въ возможныхъ къ совершенству его успѣхахъ. Деревянный домъ внѣ монастыря, гдѣ помѣщалось духовное правленіе, въ 1766 г. съ перерубомъ построенный, на счетъ заказныхъ священноцерковнослужителей по ветхости, за вынесеніемъ изъ него дѣлъ въ 1776 г. въ Далматовской монастырѣ, въ каменные палаты, по указу Тобольской духовной консисторіи отъ 29 сентября 1782 г. на мірскую избу былъ проданъ. Его Пресвященство опредѣлялъ: вырученныя деньги—28 рублей употребить на покупку учебныхъ книгъ для Далматовской русской школы. Въ г. Тобольскѣ рафайловскимъ игуменомъ Маргаритомъ на этѣ деньги куплено 22 псалтири, 13 часослововъ, и—руками Далматовскаго монастыря іеромонаха Теофана—все псалтири и часословы, 5 марта 1783 г. безмездно розданы сиротамъ и ученикамъ неимущимъ, съ возвратомъ по обученіи, для передачи инымъ нуждавшимся въ книгахъ.

(Продолженіе будетъ.)

Нѣсколько словъ по поводу нищенства.

(Продолженіе.)

Христіанство не одобряетъ нищенства; стало быть нужно, прежде всего, чтобы не было нищенства; значить тутъ дѣло не въ однихъ грошахъ, кусякахъ хлѣба, разныхъ подпискахъ, благотворительныхъ концертахъ и комитетахъ и прочемъ, тому подобномъ. Вотъ, на примѣръ, нищій—невѣжественъ. Стало быть нужно, прежде всего, просвѣтить его разумъ, вывести его изъ этого непрогляднаго мрака, гдѣ онъ ходитъ, какъ слѣпной оцунью, научить его трудиться, чтобы жить по человѣчески. Посмотрѣть бы намъ, чѣмъ наполнено это бѣдное, скудное, неразвитое мышленіе; какіе предметы составляютъ содержаніе его думъ, и не спитъ ли въ немъ совсѣмъ безпробуднымъ снамъ разумъ, этотъ божественный элементъ нашей природы, безъ котораго мы—не богоподобныя, а скотоподобныя существа? Что мы дѣлаемъ въ этомъ отношеніи? Заботимся ли о распространеніи просвѣщенія, заводимъ ли школы, поддерживаемъ ли ихъ, посылаемъ ли туда дѣтей, сочувствуемъ ли это-

му дѣлу (1)? Ахъ какъ много еще между нами людей, которые въ жалкомъ невѣжествѣ видятъ простоту сердца, нужную для вѣры, а науку считаютъ чуть ли не наводненіемъ діавольскимъ!.... Будемъ, однако, справедливы къ себѣ; мы иногда заботимся о развитіи грамотности и просвѣщенія въ народѣ. Дѣло хорошее; но отъ чего мы не думаемъ о тѣхъ жалкихъ результатахъ, которые, не говоримъ—всегда, а *иногда*, получаются отъ нашихъ „просвѣтительныхъ“ стремленій? Мы научаемъ мужика грамотѣ—и онъ прилагаетъ эти познанія свои только къ тому, чтобы какъ нибудь, съ грѣхомъ пополамъ, читать на клиросѣ; научаемъ чистописанію, и онъ пользуется этимъ умѣньемъ только для того, чтобы „строчить прошенія;“ что за скудная жатва! А то выходитъ еще и такъ, что этотъ же грамотный мужикъ, вдругъ, надиво всему крещеному міру, до того *зачитается* Библіи, что выдумаетъ какую нибудь новую, дикую ересь (2). Впрочемъ, не будемъ объ этомъ бо-

[1] Такъ, напримѣръ, въ воскресную школу, существующую при семинаріи, нынѣшнимъ лѣтомъ ходило человѣкъ 50 мальчиковъ здѣшняго общественаго нищенскаго пріюта. Мальчики занимались съ охотою и любознательностію, и очень желали бы ходить въ школу и зимой, еслибъ только была у нихъ зимняя одежда и обувь. Но изъ одежды у нихъ ничего доселѣ нѣтъ, кромѣ бѣлыхъ, полотняныхъ лѣтнихъ рубашекъ—пальто и панталонъ; по этому никто изъ нихъ нынѣшней зимой не могъ посѣщать воскресной школы. Въ свое время мы дѣлали объ этомъ заявленіе и обращались къ общественной благотворительности для этой дѣли [именно въ рѣчи нашей, по случаю торжественнаго акта въ воскресной школѣ, помѣщенной въ № № 10 и 11 Епархіальныхъ Вѣдомостей], но гласъ нашъ остался—гласомъ вопіющаго въ глухой пустынь.... Авт.

Впрочемъ „Пермскому дамскому Попечительству обѣдныхъ“ должно отдать всю заслуженную имъ честь. Въ теченіе шестилѣтняго своего существованія оно не мало сдѣлало и теперь продолжаетъ дѣлать для жалкихъ нищихъ—дѣтей. Такъ въ 1866 году, какъ видно изъ годоваго отчета, оно призрѣвало таковыхъ дѣтей обоаго пола 100: давало имъ теплый пріютъ, здоровую пищу, обувь и самонужнѣйшее изъ одежды, по возможности средствъ къ тому; кромѣ того многіе изъ призрѣваемыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ обучались начальной грамотѣ и Закону Божію. Конечно, съ теченіемъ времени благотворная дѣятельность Попечительства будетъ болѣе и болѣе разширяться и развиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя матеріальныя средства его будутъ увеличиваться, съ помощію Божіею и добрыхъ людей; но и въ настоящее время одно то уже весьма много значитъ, что дамское Попечительство заботливо даетъ пріютъ для несчастныхъ жертвъ нищенства, испытывающихъ тяжолый гнетъ его съ самаго ранняго возраста, и тѣмъ самымъ пресѣкаетъ имъ гибельный путь къ бродяжничеству по улицамъ, безъ всякаго присмотра, въ которомъ такъ нуждается на каждомъ шагу неразумное дѣтство, и къ разнаго рода порокамъ, до которыхъ въ послѣдствіи можетъ доводить, и дѣйствительно очень часто доводитъ невинныхъ дѣтей это бродяжничество. Ред.

(2) Какъ это и случилось у насъ, въ Перми, назадъ тому съ годъ. Говоримъ о всѣмъ извѣстномъ фактѣ, какъ появился было у насъ здѣсь въ Перми свой доморощенный „Христосъ“. Да, явился человѣкъ, который вдругъ началъ проповѣдывать, что

лѣе распространяться. Далѣе,—нищій, какъ невѣжда вообще, жалкій невѣжда и въ религіозномъ отношеніи. Ни для кого не новость и не тайна, что у насъ не только въ средѣ нищихъ, а и вообще въ массахъ простаго народа господствуетъ крайняя скудость религіозныхъ познаній, и то перемѣшанныхъ съ вѣрованіями и представленіями—либо языческими, либо неправославными, съ суевѣріемъ, лжевѣріемъ, слѣповѣріемъ и разными предразсудками и заблужденіями. Что мы дѣлаемъ для того, чтобы свѣтъ Христовой истины озарялъ эти омраченныя души, чтобы слово Христово касалось ихъ слуха, умъ и сердце познавали и чувствовали его религію? Гдѣ и когда говоримъ мы съ ними что нибудь о Христвѣ, или, по крайней мѣрѣ, утѣшаемъ ихъ божественными словами мира, жизни и спасе-

онъ—Христось, что въ немъ сидитъ самъ Богъ—Саваоѣ, что вотъ онъ снова спасеть, преобразуетъ міръ... и тогда будетъ настоящая благодать: напримѣръ, этихъ браковъ церковныхъ не будетъ, а будутъ одни натуральныя; всѣ будутъ богаты, счастливы, спокойны; властей никакихъ тоже не будетъ,—будутъ всѣ братья, и что особенно хорошо будетъ тѣмъ, которые вотъ теперь повѣруютъ этому; что тогда будетъ неминуемая страшная бѣда въ сѣмъ „архиреямъ и иомамъ“, всѣмъ дворянамъ и чиновникамъ; расчитывалъ даже, какъ-то по седьминамъ Давидовымъ, и самое время наступленія этой необыкновенной эпохи!! Не беремся судить категорически объ этомъ явленіи, а, насколько намъ оно извѣстно, несчастный упоминаясь крестьянинъ дошелъ до слѣхъ этихъ бредней именно „своимъ умомъ“; поучившись, какъ говорится, только на мѣдные гроши, въ особенноти при самомъ скудномъ религіозномъ просвѣщеніи, онъ началъ читать, безъ всякаго толку и разбору, безъ всякаго руководства, Библию,—читалъ до того, что многое множество мѣстъ заучилъ наизусть. До чего доводитъ такое самодѣльное развитіе по Библии безъ всякаго руководства,—объ этомъ очень хорошо свидѣтельствуетъ исторія нашего русскаго раскола; всѣ наши самыя дикія и безобразныя секты—духоборство, хлыстовщина, секта „людей Божіихъ“ и пр., основались, разумѣется, между прочимъ, отъ такого безтолковаго чтенія Библии. Не говоримъ уже о другихъ безобразныхъ ученіяхъ иностранныхъ, объ этомъ, напр., мормонствѣ, которое сумѣло такъ странно сочетать съ Библией крайности самаго грубаго американскаго матеріализма.. Прибавьте къ такому самообольщенному убѣжденію, что вотъ, наконецъ, читалось, читалось, да и вычиталось истинное—то ученіе,—что всѣ люди заблуждаются, не видятъ, не понимаютъ его, надобно просвѣтить ихъ; прибавьте къ этому сумасбродному убѣжденію, природную, можетъ быть, склонность къ упоминаясь, а можетъ быть и фанатическій религіозный экстазъ,—и тогда понятно будетъ, какую странную фантазмагорію самыхъ нелѣпныхъ бредней и изступленно-мечтательныхъ религіозныхъ представленій можетъ создать малограмотная, но въ высшей степени амбиціонная русская мужицкая голова. Впрочемъ, повторяемъ, мы не беремся судить объ этомъ явленіи,—потому что, признаемся, рѣшительно ничего тутъ не понимаемъ. А желательно бы, чтобы кто—нибудь, хорошо знающій это дѣло, взялся,—если только оно стоитъ того—изобразить его. Если тутъ дѣйствительно есть какой нибудь сектавтскій элементъ, то это было бы полезнымъ трудомъ для исторіи нашихъ сектантскихъ ученій; а если просто сумашествіе, то это было бы пригодно для ученія о душевныхъ болѣзняхъ. Иногда и *delirium tremens* проявляется въ очень разнохарактерныхъ, своеобразныхъ обнаруженіяхъ...

ня? Какъ они увѣруютъ, если не услышатъ, и какъ услышатъ безъ проповѣдующаго? Или уже это одна обязанность пастырей Церкви, а отнюдь не наша? Но вѣдь мы—христиане! Вѣдь это не значить, что намъ нужно говорить проповѣди въ церкви; значить только, чтобы мы принимали къ сердцу дѣло христіанскаго просвѣщенія и спасенія нашихъ ближнихъ; тогда наши бы, конечно, свои способы и средства оказать съ своей стороны, возможную услугу церкви, въ лонѣ которой находимся.—Ницій, какъ праздный, бездѣлень. Стало быть, надо давать ему дѣло, изыскивать возможность и средства къ тому, чтобы онъ могъ приложить къ чемунибудь свои руки, свой смыслъ, даже научить его, куда и какъ онъ могъ бы употребить ихъ. Исполняемъ ли мы эти обязанности? Не случается ли иногда, наоборотъ, что мы, часто сами того не замѣчая, не только не заботимся объ облегченіи народной нищеты пріисканіемъ средствъ и способовъ къ честному труду бѣдника, но даже сами увеличиваемъ и безъ того тяжелую народную нищету? За ничтожную, напримѣръ, какуюнибудь плату мы требуемъ иногда отъ бѣдника непосильнаго и нимало несоотвѣтственнаго платѣ труда, хотя и прикрываемъ это благовиднымъ именемъ домашней экономіи. Будемъ откровенны сами себѣ: чего-чего не заставляемъ мы передѣлать для насъ нашего домашняго слугу за этотъ *рубль*, который мы даемъ ему въ жалованье, и какъ часто, безъ малѣйшаго состраданія, доводимъ его до сознанія, что онъ каждый моментъ помнить и знаетъ, что вѣтъ не свой, а хозяйскій хлѣбъ! Нѣтъ, наше дѣло только жаловаться на неблагодарность, испорченность прислуги.... а не виноваты ли мы тутъ какъ-нибудь сами, этого намъ не приходится въ голову; *рубль* нашъ, это кабальное средство привязать къ себѣ раба, представляется намъ до такой степени широкимъ, наполненнымъ безчисленнымъ множествомъ какой-то невидимой суммы, что мы никогда не воображаемъ, чтобы нашъ слуга своимъ трудомъ *вполнѣ* могъ заслужить его; думаемъ, что личныя потребности его ужъ до такой степени ничтожны, что на этотъ талисманъ онъ можетъ и одѣться, и обуться, и найти себѣ гдѣнибудь пріютъ, и кусокъ хлѣба, въ случаѣ, если мы вздумаемъ прогнать его, какъ неблагодарнаго, дряннаго, испорченнаго,—за то только, что въ бѣдномъ, загнанномъ, апатичномъ и можетъ быть, дѣйствительно грубомъ и невѣжественномъ существѣ промелькнулъ какънибудь проблескъ человѣческаго достоинства, и онъ попытался дать намъ замѣтить, что не всѣ же обязанности домашнихъ животныхъ, служащихъ человѣку, можетъ исполнять онъ за этотъ нашъ хотя и безпредѣльно-широкій въ нашихъ глазахъ *рубль*. Но пусть бы ужъ дѣло останавливалось только на этомъ, а то еще случается и такъ, что этотъ

нашъ дорогой рубль весьма жаль бываетъ намъ выпустить изъ своего кармана, не смотря на то, что даже по собственному нашему сознанию, слуга уже вполне заслужилъ его, и мы преспокойно оставляемъ его у себя, ибо самимъ деньги всегда нужны, а ихъ всегда оказывается какъ-то мало,—а его, прогоняя, утѣшаемъ слишкомъ лестной надеждой: „приди, братъ, завтра!“, и ведемъ подобную систему отказа до безконечности, пока несчастный слуга совсемъ ужъ не отстанетъ тревожить насъ, найдя, наконецъ, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ этотъ дорогой намъ рубль, или успокоившись гдѣ нибудь отъ всѣхъ земныхъ трудовъ своихъ и неутомимыхъ странствованій къ порогу нашего дома за этимъ неуволнимымъ и никакъ въ руки не дающимся рублемъ—до безпробуднаго завтра! А что творится, въ этомъ же родѣ, въ заключенныхъ еще отъ общественнаго взора сферахъ бюрократическаго міра,—гдѣ нѣкоторые властодержцы и сильные міра сего,—какъ повѣствуетъ литература и говорить общее преданіе,—чувствуютъ себя иногда властелинами жизни и смерти своихъ подчиненныхъ, о томъ мы мало знаемъ,—и потому не будемъ заглядывать въ неслишкомъ еще освѣщенные, и не вполне еще открытыя святилища царства оеимиды.... И такъ, будемъ продолжать далѣе. Нищій, какъ праздный, пороченъ. Стремимся ли мы къ тому, чтобы извлечь его изъ этой погибельной пропасти? Заботимся ли, напримѣръ, о томъ, чтобы какъ нибудь остановить или по крайней мѣрѣ ограничить это неудержимое и безобразное пьянство, неразлучно соединенное съ нищенствомъ, или,—скажемъ прямо—общій недугъ бѣднаго простаго народа? Не заботимся ли, напротивъ, иногда основать на этой несчастной народной страсти свое собственное благосостояніе?—Мы не будемъ здѣсь говорить о томъ, сколько невообразимо—великаго зла дѣлалъ всему русскому народу этотъ, такъ называвшійся, „откупъ.“ Но о чемъ свидѣтельствуютъ эти наши нынѣшнія „продажи вина и питей, распивочно и на выносъ, разными мѣрами,“ которыя такъ и рябятъ глаза на всѣхъ улицахъ, во всѣхъ городахъ и селеніяхъ? Что значать эти и день и ночь отверзтыя въ нихъ двери? О чемъ говорятъ постоянно раздающіяся оттуда безобразныя пѣсни и непотребныя ругательства? Нельзя ли по крайней мѣрѣ сдѣлать такъ, чтобы поменьше было этихъ увеселительныхъ убожищъ, чтобы они не отерывались хоть ночью, и въ праздники, чтобы не принимались туда платье и обувь и всѣ скудные пожитки бѣдняка?—Но, вы говорите, нельзя же русскому человѣку не выпить. Такъ не уничтожайте, а распространяйте эти пріятныя храмины бога веселья. Сколько живыхъ, одушевленныхъ, энергическихъ дѣателей получило бы тогда государство!! Не поддавливайте въ русскомъ человѣкѣ такого животрепещущаго начала, а наобо-

ротъ—развивайте его; ибо это прирожденное свойство нашей народной натуры, неотъемлемое качество нашего народного темперамента—„Руси есть вестіе пити, не можемъ безъ того быти“—это наша вѣковѣчная историческая слава, наша честь, наша гордость предъ всѣми иностранцами, предъ всѣми націями прошедшаго, настоящаго и будущаго міра! И такъ, пусть это будетъ по вашему. Но вотъ другое необыкновенно-страшное и великое зло, неразлучно соединенное съ нищенствомъ,—грубый, грязный, безчувственный, циническій развратъ. Неужели никогда не возмущали вашей честной души эти, въ высшей степени грубые, циническія ругательства, это безобразнѣйшее сквернословіе, которое вы слышите всюду—на улицахъ, площадяхъ, рынкахъ,—всюду, гдѣ является и дѣйствуетъ нищенствующій, или вообще бѣдный, простой классъ нашего народа? Не дрожало ли ваше сердце отъ стыда и негодованія, когда эти постыдныя ругательства, вдругъ раздавшіяся подъ окнами вашего дома, выраженные громко, ясно, отчетливо, съ самою безцеремонною наглостію и невозмутимымъ безстыдствомъ,—обдавали слухъ вашихъ, еще невинныхъ, дѣтей, и они съ недоумѣніемъ обращали къ вамъ свои свѣтлыя очи, какъ бы спрашивая—что это такое?—и въ тоже время инстинктивно чувствуя уже, что это должно быть что нибудь очень худое? Знаете ли вы, какъ это возмущающее всякую честную душу безстыдство сроднилось съ умомъ и образомъ рѣчи нашего простаго народа, и до какой степени изобрѣтательности доходить эта развращенная фантазія, съ самоуслажденіемъ и какою-то гордостію воспроизводящая въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ и варіаціяхъ эти постыдныя „русскія“ ругательства, которыхъ, говорятъ, нѣтъ ни у какого другаго народа? Если слово есть выраженіе духа: то какова должна быть душа, выражающая себя въ такихъ словахъ? Но это еще одно виднѣющееся, видимое клеймо разврата, которое, ни мало не смущаясь, самъ любитъ открывать предъ взорами всѣхъ бѣдный, невѣжественный и грубый народъ. А какъ глубоко самый развратъ! Еслибъ мы, при своемъ оптимистическомъ взглядѣ на жизнь, который самъ по себѣ такъ привлекателенъ и красивъ, при своей вѣрѣ въ добро и счастье человѣчества, которая такъ отрадна и тепла для сердца, вздумали утверждать, что развратъ нашего бѣднаго народа еще не очень великъ, и идиллически воображали бы, что этотъ народъ, какъ живущій близко къ природѣ, исполненъ первобытной невинности и чистоты: то эта свѣтлая картина оказалась бы скорѣе фантастической, чѣмъ дѣйствительной,—*idea, sed non res*,—и это свидѣтельствовало бы больше о свѣтломъ настроеніи нашей фантазіи и безмятежности сердца, чѣмъ о знаніи фактовъ настоящей жизни, явленій настоящей дѣйствительности. Ибо тутъ предъ нами,

прежде всего, возстала бы статистическая цифра, сухая, холодная, неумолимо-безпощадная, — и, главное, строго-точная, какъ сама математика: она очень положительно говоритъ, какое громадное количество жертвъ, и именно изъ нищенствующаго класса народа, погибаетъ отъ язвы, неизмѣнно и постоянно сопутствующей разврату, этой язвы, ничѣмъ нехудшей любой изъ десяти египетскихъ язвъ; стало быть она откуда-нибудь да берется, ибо не есть язва чудесная. Но этого еще мало; врачи убѣдили бы насъ, что это только видимое зло, и что незримо еще множество другихъ жертвъ, не погибшихъ, но запечатлѣнныхъ посѣщеніемъ страшнаго недуга, бывшихъ подъ его вліяніемъ, или готовыхъ подъ него подпасть, что врачебная наука истощаетъ всѣ свои средства преимущественно противъ этого недуга. А священники, которымъ очень хорошо извѣстно состояніе народной нравственности, которымъ бывають открыты всѣ тайныя мысли и дѣянія... мы не знаемъ, спросите ихъ, что они скажутъ. Мы далеки, впрочемъ, отъ мысли, чтобы считать это зло всеобщимъ, постояннымъ, и безъ всякаго прекословія допускаемъ и находимъ свѣтлыя и отрадныя нравственныя факты, движеніе къ лучшему, и проч.; сожалѣемся, что это зло больше поражаетъ громадныя городскія населенія, чѣмъ отдаленныя деревни; но что изъ этого? Мрачныя факты все-таки остаются фактами, и дѣйствительность ни какъ не позволяетъ слишкомъ сильно увлекаться мечтами. Впрочемъ, наше дѣло не *доказать*, что весь нищенствующій народъ непремѣнно развратенъ, а только *показать*, что нищета служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ, главныхъ стимуловъ разврата. Для этого данныя предъ глазами у всѣхъ. Откуда, какъ не изъ среды нищеты, самой глубокой, самой безпомощной, изъ нищеты праздною, невѣжественной и грубой — всѣ эти несчастныя жертвы проституціи, всѣ эти падшія и потерявшія образъ Божій существа въ постыдныхъ убѣжищахъ разврата? Не безпомощная ли нищета ведетъ туда только — что развѣтающую юность, можетъ быть и богато-одаренную еще неразвившимися силами духа и тѣла; не безпріютное ли убожество заставляетъ ее оставаться тамъ, не смотря на чувства отвращенія и омерзѣнія, которыя, можетъ быть, возникаютъ въ иномъ падшемъ существѣ отъ этой постоянной позорной торговли самимъ собою? А всѣ эти — *filiae nullius*, несчастныя созданія, брошенныя на произволь судъ бы съ самаго дня рожденія; эти горькія сироты, оставшіяся безъ отца и матери и безъ всякаго попеченія; эти бѣдныя вдовицы, живущія безъ куска хлѣба; эти безсовѣстно соблазненныя и потомъ брошенныя существа; эти жалкія труженицы съ отекившими пальцами и опухшими глазами; эта прогнанная жестокосердыми господами и бродяжничающая прислуга; однимъ сло-

вомъ, — все это великое, разнообразное множество не имѣющаго никакого постоянного труда, никакого серьезнаго занятія, празднаго населенія, особенно въ центрахъ нашей цивилизаціи и во всѣхъ большихъ городахъ, — что все это, какъ не готовая область для самыхъ легкихъ завоеваній разврата, неисчерпимый источникъ, изъ коего онъ всегда, когда захочетъ, беретъ свои многочисленные жертвы? — Услышите это, и примите къ сердцу, вы, нѣжныя, любящія матери, такъ заботливо охраняющія, въ тишинѣ семейной жизни, невинныя сердца вашихъ дѣтей, такъ ревниво пекущіяся о безукоризненной ихъ чести, такъ тщательно берегущія ихъ отъ всякаго заразительнаго дыханія страстей; — вы, чадолюбивыя отцы, которые съ такимъ восторгомъ любите смотрѣть на свѣтлыя взоры вашихъ дѣтей, блестящія свѣтомъ ангельской чистоты; вы, любящіе другъ друга супруги, которые оцѣниваете свою взаимную любовь выше всѣхъ земныхъ благъ, и въ взаимной вѣрности до гроба находите неоцѣненное сокровище; все вы, мужчины и женщины, которымъ Богъ вложилъ въ сердца небесное состраданіе ко всѣмъ несчастнымъ, труждающимся и обремененнымъ скорбями! — Дѣлаемъ ли мы, однакожь, что нибудь противъ этого зла? Ахъ, — у насъ только одни охи, да вздохи, безсердечныя, хотя, по видимому, и очень грустныя, покачиванія головой, безутѣшныя, но бесплодныя на дѣлѣ оплакиванія, постоянныя жалобы на общее развращеніе нравовъ, горькія слова укоризны, ужасы, содроганія; прольетъ развѣ иногда слезы какое нибудь доброе, сострадательное сердце женщины, но къ сожалѣнію, тутъ же раздастся это фарисейски - лицемѣрное слово: „*Боже, хвалу тебѣ воздаю! Я — не какъ прочіе челоѵки, — такіе грѣшники и — прелюбодѣи,*“ — кажется и только! — Но чтоже дѣлать? — Намъ тутъ нечего дѣлать, говорите вы. — Нечего?! А за чѣмъ, на примѣръ, ты, сластолюбивая душа богатаго барина, сама изыскиваешь жертвы для своей постыдной страсти среди этой жалкой нищеты, — гдѣ у тебя тутъ сердце и совѣсть? За чѣмъ ты, прекрасное, доброе женское сердце, позволяешь, чтобы этотъ всемъ завѣдомо извѣстный развратникъ являлся предъ тобою, и въ общество невинныхъ дѣтей? За чѣмъ ты, почтенная солидность, такъ дружески пожимаешь ему руку, и даже съ удовольствіемъ иногда слушаешь его дерзки - нахальное самохвальство тѣмъ, что составляетъ его позоръ, безчестіе, стыдъ, — слушаешь подвиги его страстей? За чѣмъ вообще этотъ легкій, открыто неузаконенный, но самъ собою всегда подразумеваемый, всюду самъ собою выражающійся взглядъ общества на „грѣхи юности“, на это „молодое-зеленое“, которому, будто бы, простиительно погулять? Отчего въ теоріи, въ идеѣ, de iure закона всякій развратитель и развратникъ есть преступникъ — не предъ Богомъ

только, а и предъ судомъ общественной совѣсти, и отъ чего этого нѣтъ въ дѣйствительности, на дѣлѣ, de facto? Все мы—люди, все—человѣки?! Въ томъ-то вотъ и дѣло, что слишкомъ слабы и шатки принципы нашей общественной нравственности. Всякій разъ, какъ приходится намъ судить о дѣлахъ подобнаго рода, повторяется извѣстная евангельская исторія о падшей женщинѣ, которую простилъ Христосъ: никакъ не приходится бросать въ нее камень, но приходится только, чтобы *единаго по единому исхождающаго*, не произнеси ни какого ни осужденія, ни даже просто—сужденія! Дѣло, стало быть, не въ томъ, чтобы думать здѣсь только о проѣктахъ устройства какихъ нибудь магдалинскихъ убѣжищъ, и тому подобныхъ обществъ возстановленія падшихъ; не нужно ли сначала оглянуться на себя, да позаботиться о своей собственной нравственности? Не нужно ли подумать, да не забывать, что *нравственность другаго зависитъ и отъ нашихъ нравовъ?*—Но вотъ еще другой вопросъ, который никакъ нельзя оставить безъ всякаго вниманія. Мы видѣли, что нищета есть источникъ разврата, но этого мало—она есть источникъ и преступленій. Заботимся ли мы о томъ, чтобы ограничить, стѣснить, какъ нибудь остановить эти мошенничества, кражи, бродяжничество и другія темныя дѣла, къ которымъ часто по неволѣ прибѣгаетъ озлобленный нищій, чтобы какъ нибудь достать себѣ кусокъ хлѣба? А сколько этихъ несчастныхъ приходится видѣть особенно намъ, жителямъ Перми,—неминуемаго пункта для всякаго, кто идетъ въ Сибирь! Сколько разъ доводилось и доводится видать намъ эти печальныя зрѣлища человѣческаго позора! Въ то время, напримѣръ, когда вы, сидя на берегу Камы, въ мѣстѣ нашего общественнаго гулянья, услаждаете свой неслишкомъ взыскательный эстетическій вкусъ этимъ, не слишкомъ мелодическимъ сладкогласіемъ раздающихся тамъ ликовъ и тимпановъ, которымъ утѣшается васъ иногда странствующая кучка заѣзжихъ нищихъ, вѣчно чающая—движенія денегъ изъ кармановъ любителей искуства: въ то самое время, у васъ, подъ самыми вашими ногами, на волнахъ рѣки, часто раскрывается другая картина—плачевная картина нищеты, позора, страданія и униженія человѣчества! Вотъ, по широкой поверхности рѣки плыветъ тяжелое, огромное судно, которое тихо и медленно влечетъ за собою сильный пароходъ; мраченъ и унылъ видъ этого судна, окрашеннаго густымъ чернымъ цвѣтомъ; со всехъ сторонъ окружена его палуба высокой, крѣпкой желѣзной рѣшеткой; никого и ничего не видно за этой мелкой сѣтью рѣшетки, лишь на кровлѣ ея мелькають бѣлые плащи солдатъ, и блеститъ отраженіемъ солнечныхъ лучей остроконечная сталь ихъ ружей... Но вотъ, судно причалило къ берегу, прямо подъ вашими ногами; вы видите, что не

длинному подгорному берегу растягивается вооруженная линия солдат, казаковъ, жандармовъ; начинается выгрузка судна, которое оказывается—цѣлымъ плывучимъ острогомъ! Вотъ эти пятьсотъ, шестьсотъ человѣкъ преступниковъ, съ мрачными, унылыми, болѣзненными лицами, съ знаками позора на своей сѣрой одеждѣ; вотъ раздается это бряцаніе тяжелыхъ желѣзныхъ цѣпей; вотъ, скучиваются они вмѣстѣ,—и длинной печальной вереницей идутъ по улицамъ города, чтобы продолжать свое тяжелое странствованіе до мрачныхъ мѣстъ своего заточенія въ пустыняхъ Сибири и ея страшныхъ рудникахъ.... Скажите, что представляютъ собою эти несчастные, какъ не толпу нищихъ? И не нищета ли, со всѣми ея губительными послѣдствіями, довела ихъ,—по крайней мѣрѣ—многихъ изъ нихъ до этого состоянія?.... О нищета, нищета—какъ ты невыразимо ужасна!—Такъ часто проходятъ предъ нами явленія человѣческихъ преступленій, и позора, и наказанія за нихъ,—а дѣлаемъ ли мы чтонибудь, чтобы предотвращать эти страшныя несчастія? Не ужели скажетъ ктонибудь: „не связываться же намъ съ ворами, мошенниками, убійцами; на это есть полиція, есть суды“... Такъ, на все есть свои дѣлатели, свои учрежденія; чтобы учить народъ грамотѣ—есть учителя и школы; чтобы учить народъ религіи—есть священники и церкви; чтобы управлять народомъ—есть власти; чтобы предупреждать, пресѣкать и судить преступленія—есть полиція, суды и тюрьмы; дѣло распредѣлено на всѣхъ—*suus cuique!* Намъ тутъ нечего дѣлать! Не скажемъ, чтобы эти сужденія были несправедливы: они такъ очевидно-несомнѣнны и такъ патріархально-почтенны, что ихъ нимало не усумнилась бы признать за свои и достоуважаемая, принопамятная матушка Митрофанушки, госпожа Простакова. Не скажемъ и того, что отъ нихъ вѣетъ страшнымъ холодомъ безсердечія и необыкновеннаго эгоизма: нѣтъ, они достаточно согрѣты живою теплотою самопожертвовательной любви христіанской. Одно только странно: воръ и бродяга не потому ли дѣлаются такими, что имъ негдѣ было жить, нечего было ѣсть, пить, никто ничего не давалъ имъ дѣлать, нигдѣ не находили они себѣ пріюта?... Убійца не потому ли становится убійцею, что его кто-нибудь или чтонибудь раздражаетъ, ожесточаетъ и доводитъ до крайности? Едва ли можно думать, что они избираютъ себѣ свои специальности по вдохновенію, по внутреннему призванію, ради собственнаго удовольствія. Есть, стало быть, какіянибудь причины содѣйствующія преступленіямъ, хотя и отнюдь не оправдывающія ихъ. А если есть причины содѣйствующія: такъ нельзя ли устранять такія причины, а вмѣсто ихъ поставить—препятствующія? Мы вообще привыкли строго-презрительно, даже съ отвращеніемъ и ужасомъ смотрѣть на преступниковъ;

а между тѣмъ, при внимательномъ анализѣ исторіи всей ихъ жизни, оказывается, что часто причиною самыхъ страшныхъ злодѣйствъ и преступленій— бываемъ *мы сами!* Странно, по видимому, а—вѣрно. Что общество часто само бываетъ виновато въ преступленіяхъ отдѣльныхъ лицъ,—это фактъ, свидѣтельствуемый и наукою юридическою, и криминальными процессами, и литературой, и опытомъ,—здравымъ смысломъ наконецъ,—и потому мы не станемъ здѣсь развивать его для бесполезной попытки убѣждать въ томъ людей, мыслящихъ по образцу мыслей госпожи [Простаковой, а отсылаемъ ихъ, если уродно—къ этимъ нашимъ источникамъ. Ахъ, сколько же намъ нужно позаботиться о любви къ бѣднымъ, чтобы и словомъ утѣшенія, ободренія, наставленія, и дѣятельною помощію въ несчастіяхъ предупреждать возможность преступленій!

Еще одно слово. Можетъ быть кто нибудь, дѣйствительно движимый чувствомъ любви ко всѣмъ несчастнымъ бѣднякамъ и желающій благотворить имъ, скажетъ, что предъ глазами у насъ все-таки немного примѣровъ такой поразительной нищеты, что поводы, вызывающіе къ благотворительности, представляются не часто, между тѣмъ какъ онъ очень радъ помогать дѣйствительной нуждѣ, дѣйствительной нищетѣ. Но не ужели вы непремѣнно хотите видѣть въ нищихъ—только однихъ чающихъ движенія воды, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, безрукихъ, безногихъ и другихъ тому подобныхъ несчастныхъ физическихъ уродовъ? Правда, что кто ищетъ такихъ, уже очень сильно дѣйствующихъ на нервы впечатлѣній, тотъ не всегда найдетъ подобныя явленія нищеты и человѣческаго страданія, ибо они нечасто попадаютъ на глаза, и такимъ образомъ поводовъ къ его благотворительности, дѣйствительно, представится не много... Но онъ забываетъ, что нищета имѣетъ различныя степени и формы, проявляется въ весьма различныхъ обнаруженіяхъ; и что если нынѣ она не бродитъ явно, съ сумой и посохомъ, распѣвая разныя псалмы и юродствуя, какъ это водилось почти постоянно въ нашей древней Руси: то за то кругомъ насъ всегда существуетъ не выпускаемая, а дѣйствительная нищета, хотя и не суется прямо на глаза—потому вѣроятно, что сдерживается законами и блюстителями общественнаго благочинія. Да, нищихъ всегда много; самъ Спаситель говоритъ: *нищихъ вы всегда имѣете съ собою.* (Іоан. 12, 8). И такъ, если вамъ дѣйствительно нужно указать прямо предметы для вашей благотворительности, которыхъ вы, почему-то, не видите, то вотъ они прежде всего—у васъ предъ глазами. Идите, напримѣръ, во всѣ отдаленныя отъ центра части нашего города,—на всѣ эти Слудки, Пихтовки, Круглыя поля, Разгуляи, Солдатскія слободки:

въ этихъ жалкихъ, полуразвалившихся грязныхъ лачужкахъ ужъ навѣрно живетъ не богатство и счастье, а нищета и страданіе... Прокатитесь, если угодно въ своемъ экипажѣ до этого пригороднаго нашего горнозаводскаго села, которое вы всегда видите съ высокой горы нашего общественнаго гулянья;—страшныя волны огненнаго моря, которыя, назадъ тому съ годъ разрушили громадѣйшую часть этого живаго, многолюднаго и трудолюбиваго населенія, безъ сомнѣнія оставили для вашего состраданія множество жертвъ. И все еще это только вокругъ насъ, такъ сказать, подъ руками. А эти бѣдные, несчастные жители сѣверныхъ уѣздовъ нашей губерніи, которые, живя въ мѣстностяхъ, скудно надѣленныхъ дарами природы, часто до того страдаютъ отъ голода, что ѣдятъ хлѣбъ не только пополамъ съ мякиной, но даже—глиной, прибавляютъ къ нему для вкуса оленій мохъ, сосновую и еловую кору и другіе, не менѣе вкусные и питательные аксессуары? Развѣ это не нищія, всѣ, сплошь и рядомъ, всею своею массою, въ нѣсколько десятковъ тысячъ? А еслибъ намъ потрудиться еще заглянуть на ихъ умственное и религіозно-нравственное состояніе? Съ тѣхъ поръ, какъ назадъ тому пять сотъ лѣтъ, лучи христіанскаго свѣта, принесенные св. Стефаномъ, озарили ихъ мрачные умы и согрѣли *оледенѣлыя невпріемъ сердца*, кажется, недалеко еще они подвинулись впередъ, и не много еще было сдѣлано для нихъ.. И это опять у насъ подъ руками! Да что говорить! Многое множество нашего низшаго класса народа,—этого рабочаго сословія, не у насъ только, а вездѣ и всюду,—развѣ не тѣже своего рода нищія? Знаемъ ли мы, въ какомъ изнурительномъ потѣ добываютъ они свой хлѣбъ? Ахъ, какъ дешево цѣнимъ мы ихъ тѣло и кровь, и какъ дѣйствительно дорого достается имъ этотъ кусокъ простаго чернаго хлѣба! Пусть коснется нашего сердца сострадательное слово этого, глубоко чувствующаго народныя скорби, поэта:

Въ полномъ разгарѣ страдѣ деревенская...

Доля ты, русская долюшка женская!

Врядъ-ли трудѣе сыскать!

Не мудрено, что ты вянешь до времени—

Все выносящаго русскаго племени

Многострадальная мать!

Зной нестерпимый... равнина безлѣсная...

Нивы, покосы, да ширь поднебесная...

Солнце нещадно палить...

Вѣдная баба изъ силъ выбивается,

Столиъ насѣбомыхъ надъ ней колыхается,

Жалить, пекочеть, жужжить.

Приподнимая косулю тяжелую,

Баба порѣзала ноженьку голую—

Некогда кровь унимать:

Слышится крикъ изъ сосѣдней полоснышки—

Баба туда—разметалися косыньки

Надо ребенка качать!

Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣнїи?

Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣнїи,

Пой, терпѣливая мать!

Слезы ли, потъ ли у ней подъ рѣсеницами—

Право, сказать мудроно;

Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпичею

Кануть они—все равно!

Вотъ она губы свои опаленыя

Жадно подносить къ краямъ:

Вкусны ли, милая, слезы соленыя

Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?—

Нѣтъ, не нашимъ слабымъ, безжизненнымъ, блѣднымъ словомъ, въ этомъ краткомъ очеркѣ, на этихъ летучихъ листкахъ газеты, изобразить всю глубину несчастія, которое заключается въ словѣ: *нищета!* Не нашимъ слабымъ словомъ проникнуть въ сердца людей и изобразить предъ ними все величїе, всю широту долга христіанской любви къ несчастнымъ бѣднымъ! Да возвѣщаетъ объ этомъ людямъ—теплое слово одушевленнаго проповѣдника, живая рѣчь краснорѣчиваго оратора, задушевный мелодическій стихъ поэта, правдивый, симпатическій рассказъ литератора!—Мы скажемъ только: братья! Дѣло не въ однихъ кошѣнкахъ и кускахъ хлѣба, которые подаемъ мы бѣднякамъ, не въ однихъ подпискахъ, комитетахъ, прїютахъ, благотворительныхъ лоттерейхъ, спектакляхъ и прочемъ, тому подобномъ: дѣло въ нашемъ *сердцѣ*, дѣло въ нашей *воли*. Дадимъ нашему сердцу согрѣться всею теплотою любви христіанской; устранимъ изъ своихъ дѣйствій эгоизмъ, который знаетъ только свое *Я* и больше ничего; устроимъ свою жизнь—не на этихъ началахъ страстей, которые руководствуютъ поступками и языческаго общества, а на началахъ истинно христіанской любви къ Богу и ближнимъ. Тогда, повѣрьте, найдемъ множество средствъ и способовъ благотворить несчастнымъ; тогда, безъ сомнѣнїя, гораздо меньше будутъ обнаруживать насъ явленїя нищенства, которымъ не слѣдовало бы вовсе и

быть въ мірѣ христіанскомъ, въ мірѣ любви, въ мірѣ братьевъ—дѣтей одного общаго нашего Отца, который на небесахъ. Братья! Мы христіане. Не забудемъ же эти невыразимо-сладостныя и безконечно-трогательныя слова Христа, въ которыхъ вѣчное благословіе свое праведникамъ Онъ выражаетъ именно какъ награду за любовь къ бѣднымъ: *приидите, благословенные Отца моего наследуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ пстъ; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы постыли Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ.... Истинно говорю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали—Мнѣ (Мате. 25, 34—40.)*

(Продолженіе будетъ.)

Изъ Чердыни.

Въ пользу вдовы, священнической жены села Серегова, Евдоіи Васильевой Поповой прислано вновь 9 руб., именно: 5 р. отъ г. Иванова (неизвѣстно откуда), 1 р. отъ заштатнаго священника Іоасафа Дилитенскаго—изъ Далматова и 3 р. изъ ирбитскаго уѣзда отъ священника Михаила съ супругой его Варварой (фамиліи не написано). Слѣдовательно въ настоящее время получено всего въ пользу вдовы Поповой 25 рублей. Цифра почтенная по сиротству! Слава Богу! а за тѣмъ, хвала и благодареніе тѣмъ, кто такъ благовременно и сочувственно отнеслись къ нашему заявленію. Да благословитъ ихъ Богъ и сугубо вознаградитъ за ихъ истинно доброе и полезное дѣло.—

Благочинный, протоіерей Θεодоръ Буринъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ Александръ.

Дозволено цензурою. Пермь. 8 января 1868 г.

Печатаю въ типографіи Поповой.